

Дождь лил, не переставая, с каждой минутой становясь всё яростнее. На длинной улице разлетались крупные брызги, а вода в желобах под черепичными крышами неслась бурными потоками, превращаясь в сплошную водяную завесу. Мостовая из синего камня была вымыта до блеска.

Чистота была такой, что ни пылинки, ни поджавших хвосты бродячих псов, и уж тем более никаких пошлых мужчин, которые в ночное время, набив карманы золотом, воображают себя важнее вельмож. Разумеется, все эти возбужденные господа стремились в одно и то же место — в Юэхуацзюй.

Впрочем, этот ливень вымотал даже сторожа Юэхуацзюй, который, зевая, подумывал, не спросить ли у хозяйки разрешения закрыться пораньше.

Его рука уже легла на дверь, но тут сквозь шум дождя пробился стук копыт, заставив его вытянуть шею и взглянуть в конец улицы.

Кругом стояла пелена дождя. Порыв ветра усилил водяную пыль. В этой дымке, разрезая туман, показалась черная карета, стремительно приближавшаяся к ним. Казалось, она возникла из пустоты. Сторож моргнул, решив, что у него слишком богатое воображение.

Не успел он подивиться, как раздалось ржание, и карета остановилась прямо у входа в Юэхуацзюй. Сторож по привычке натянул на лицо профессиональную улыбку:

— Милости просим, господин! — Хотя в душе он уже проклял до десятого колена кучера, который, несмотря на дождь, привез гостя, когда он уже надеялся посидеть с девицами.

Юэхуацзюй. В Цзяннани это имя не нуждалось в пояснениях. Кого ни спроси на улице, всякий даст точный ответ.

Когда мужчины слышали это название, в их глазах всегда вспыхивали пошлое предвкушение, восторг и досада — большинство досадовало, потому что порог Юэхуацзюй был высок, а кошельки не позволяли войти внутрь.

Женщины же при упоминании этого места лишь презрительно плевались, испытывая ненависть и ярость. У женщин вообще была врожденная неприязнь к обольстительным красавицам, а уж тем более к тем, кто торговал телом, имея при этом повод для высокомерия.

Испокон веков Цзяннань славился своими талантами и красавицами, и местные кварталы красных фонарей были первыми в Поднебесной. Девицы здесь отличались особым вкусом. И если благородные девицы из хороших семей могли быть обучены музыке, шахматам, каллиграфии и живописи, то в Юэхуацзюй такие таланты были едва ли не у каждой.

Кучер ловко спрыгнул с козел, вытащил промасленную бумажную зонт, раскрыл его и с подчеркнутым смирением склонился, откидывая полог кареты.

Сторож невольно вытаращил свои глазки-бусинки. За десять лет службы он научился определять статус хозяина по одному лишь виду слуг.

Из кареты показалась изящная, белая, словно нефрит, рука.

Сторож в уме уже прикинул цену: эта рука стоила пятьсот лянгов.

Затем появились туфли с вышивкой и крошечные ступни, которые так и хотелось подержать в руках. Двести лянгов. Вспомнив о завсегдатаях с особыми пристрастиями, он удвоил цену до четырехсот.

Наконец, из кареты вышла фигура в белом платье. У сторожа перехватило дыхание: хороша, жаль только, лицо под вуалью.

— Позвольте спросить, госпожа... — Сторож замялся, соображая, что это не место для порядочных женщин. Сюда приходили либо те, кто покупал девиц, либо те, кто ими был. Эта гостья не подходила ни под одну категорию.

Женщина ничего не ответила, кучер тоже проигнорировал его. Под проливным дождем, среди глубоких луж, она на мгновение замерла, не решаясь опустить ногу, а лишь слегка коснулась ею подножки.

Сторож даже не успел моргнуть, как женщина в белом уже оказалась внутри Юэхуацзюй.

Кучер, держа зонт, вошел следом, сложил его и бросил сторожу:

— Накорми лошадь.

— Ой-ой-ой... Это что за важный гость... — Хозяйка заведения, заслышав шум, поспешила на место, но, увидев вошедших, переменялась в лице. Женщины в Юэхуацзюй появлялись либо от безысходности, чтобы стать девицей, либо чтобы искать своего мужчину.

Эта гостья, очевидно, принадлежала ко второй категории.

Лицо хозяйки вытянулось, она взмахнула платком и сменила тон:

— Госпожа, вы ошиблись дверью? Это не место для честных женщин, ничего хорошего вас здесь не ждет. Покуда вы едва переступили порог, советую уходить. Наш Юэхуацзюй предоставляет девиц, а не парней.

Не успела остроязыкая хозяйка договорить, как перед глазами у нее мелькнула тень, и прозвучали два хлестких удара. Лицо обожгло болью. Открыв глаза, она увидела, как кучер в соломенном плаще невозмутимо складывает зонт, с которого стекала вода прямо ей на лицо. Женщина в вуали, не проронив ни слова, направилась на второй этаж.

Хозяйка Юэхуацзюй была не из тех, кого можно было безнаказанно ударить. Если бы она сдавалась после пары пощечин, ее заведение давно бы сравнивали с землей.

— Решила устроить здесь дебош? Жить надоело? Эй, ко мне!

Из-за ливня в зале почти не было гостей, лишь несколько завсегдатаев сидели по комнатам с девицами. На крик хозяйки тут же выскочили с десятков охранников — здоровяков с голыми торсами, покрытыми татуировками.

Женщина, едва поднявшись на второй этаж, тихо вздохнула и бросила вниз небольшой предмет. Глаза хозяйки вспыхнули.

Золото.

Серебра она видела немало, принимала и целые слитки. В прошлом году, когда сын наместника выкупал их главную звезду Хэ'эр, она получила целый сундук серебра, который три дня не решалась отнести в банк.

Но золото — золото она видела нечасто.

Никто из посетителей Юэхуацзюй еще не расплачивался золотом.

Сжимая слиток, хозяйка мгновенно переменялась. Она замахала руками, отсылая охранников, и, приподняв подол, заторопилась вверх по лестнице с такой улыбкой, что та сияла ярче самого золота:

— Какую из наших красавиц желаете, госпожа? Я все устрою!

Деньги решают всё. Если платят золотом, она готова хоть девицу для девицы найти.

— Разумеется, самую лучшую, — тихо ответила женщина под вуалью.

Хозяйка тут же принялась расхваливать:

— У Хуаньгэ дивный голос, она виртуозно играет на гучжэне. Мэй'эр — богиня танца, каждое ее движение сводит с ума. Обе они — чистые девы, главные звезды нашего заведения...

Женщина остановилась и, взглянув на хозяйку, с двусмысленной улыбкой произнесла:

— Разумеется, мне нужна та, что с хорошей фигурой.

Хозяйка сглотнула, но отказываться от золота не собиралась. Она замахала платком, призывая:

— Мэй'эр, принимай гостя!

Мэй'эр была сама обворожительность. Приоткрыв дверь, она сжимала в руках расшитый золотом платок и с любопытством смотрела на женщину в белом. Женщина — это даже лучше, с ними куда проще, чем с мужчинами. В наше время мужчины приходят голодные, как волки, и быть чистой девой стало нелегко.

Кучер остался у входа, а женщина в белом грациозно переступила порог.

Хозяйка облегченно выдохнула, потирая покрасневшую щеку и сжимая в руке золото. Наконец, она махнула рукой:

— Закрываемся.

Сторож бросился к дверям, но, едва успев закрыть их наполовину, был вынужден вновь отступить.

В такой ливень даже самые заядлые гуляки не рисковали выходить из дома, и все же нашелся еще один гость. Не завсегдатай.

Черная одежда, черные сапоги, низко опущенный черный зонт — словно сама тьма во плоти.

Сложив зонт, он показал лицо мужчины средних лет. Не красавец, но с характером. Сторож выдохнул — пришел нормальный человек.

Хозяйка поспешила навстречу:

— Ой, господин, погода нынче скверная, дороги размыло, а у нас в Юэхуацзюй девицы такие теплые...

Человек в черном стряхнул воду с зонта:

— Мне нужна Мэй'эр.

Улыбка хозяйки застыла:

— У вас отличный вкус, господин, вы выбрали нашу главную звезду! Но только что один... знатный господин уже выкупил ее время. Как насчет Хуаньгэ? У нее голос, словно с небес...

Человек в черном не слушал и направился к лестнице.

Хозяйка погналась следом:

— Я сейчас же позову Хуаньгэ!

— Довольно, иди по своим делам. Я пришел только за Мэй'эр.

Хозяйка разозлилась. В другое время она бы уже позвала охрану, но сегодня была в хорошем настроении из-за золота в кармане.

Она хотела было возразить, но мужчина уже стоял у дверей комнаты Мэй'эр. Кучер в соломенном плаще, стоявший у двери, молча отстранил ее, пропуская черного гостя внутрь.

Хозяйка хотела было вмешаться, но кучер преградил ей путь.

Ладно, золото есть — и то хорошо. Хозяйка удалилась, охранники разошлись.

В комнате Мэй'эр мужчина в черном и женщина в белом сидели друг напротив друга. Сама Мэй'эр, усыпленная точкой, мирно спала на кровати.

— Вторая госпожа Гуань пришла довольно рано, — человек в черном не сводил глаз с женщины под вуалью.

— Я наслышана о клане Наньгун с горы Циньшань. Оказавшись в Цзяннани, я, Гуань Сяосяо, должна была сама встретить хозяина, — Гуань Сяосяо отпила чаю и выложила на стол невзрачный ящик, не отводя взгляда от Наньгун Юэ.

Наньгун Юэ посмотрел на ящик, и в его глазах мелькнул блеск.

Гуань Сяосяо постучала пальцами по столу:

— Клан Гуань в Цзяннани всегда держит слово. Но принесли ли вы то, что обещали, господин Наньгун?

Наньгун Юэ отвел взгляд от ящика:

— Разумеется. — Он вытащил из-за пазухи сверток в промасленной бумаге и положил его на стол, но не убрал руку.

Гуань Сяосяо мельком взглянула на предмет, слегка улыбнулась и нажала на скрытый механизм ящика. С легким щелчком крышка откинулась, открыв сияющее золото.

Рука Наньгун Юэ дрогнула, он не мог отвести взгляда от полного сундука.

Пятьсот лянов золота.

Гуань Сяосяо пододвинула ящик к нему:

— Теперь это ваше.

Наньгун Юэ, не скрывая алчности, обнял ящик, но тут же вытащил половину золота, спрятал в карман, а оставшуюся половину вместе с ящиком вернул Гуань Сяосяо.

Та нахмурилась:

— Что это значит?

— Карта сокровищ стоит пятьсот лянов, полкарты — двести пятьдесят. Наньгун Юэ — человек слова, лишнего не возьму, — сказал он и пододвинул сверток.

— Почему? — голос Гуань Сяосяо стал тише, а в глазах, устремленных на Наньгун Юэ, промелькнула жажда убийства.